

Андрей ПЕТРОВ

г. Архангельск

«ИЛЬ БОЛЬШЕ НЕТ НИ «ПОЛОСЫ НЕСЖАТОЙ», НИ СВЕТЛЫХ СЛЁЗ, НИ СЧАСТЬЯ, НИ ЛЮБВИ?»

Прецедентные имена и тексты русской литературы

в поэзии Ольги Фокиной

«Поэтами не являются те авторы, которые создают в стихах абстрактные понятия или образы прекрасного. Поэты – носители и выразители поэзии, существующей в самой жизни – в чувствах, мыслях, настроениях людей, в картинах природы и быта», – так начинается статья Николая Рубцова, написанная по поводу выхода в свет одного из первых сборников стихов Ольги Фокиной, и эти слова в полной мере отражают суть творчества поэтессы, внёсшей значительный вклад в развитие современной русской литературы.

Напутствие ей дал не кто иной, как Борис Шергин, ставший автором предисловия (оно так и названо – «Напутствие») её первого сборника стихов: «Книга Ольги Фокиной «Сыр-бор» – это весенний цвет. Должно ждать творческого лета, добродного, ягодного». Эти слова стали пророческими, поскольку предопределили плодотворный творческий путь поэтессы.

Ольга Александровна Фокина родилась 2 сен-

тября 1937 года в Верхнетоемском районе Архангельской области, ныне живёт и работает в Вологде. Поэзия Ольги Фокиной широко известна в России, высоко оценена критиками, отмечена рядом престижных литературных премий, поэтесса награждена орденами и медалями, является лауреатом Государственной премии России. Однако главная её награда – это искренняя бескорыстная любовь народа, безоговорочное признание почитателей её самобытного и уникального таланта, ведь основополагающими для творчества О.А. Фокиной были и остаются темы родины, природы, сельской жизни, проблемы сохранения духовного богатства русского народа и возрождения умирающей русской деревни, её поэзия зиждется на подлинно народном мировосприятии, она буквально пронизана фольклорными мотивами, предельно насыщена элементами живой – «родниковой» – народной речи.

В качестве яркого выразительного средства в по-

эзии Ольги Фокиной используются прецедентные имена и тексты русской литературы: упоминания, цитаты, аллюзии, эпиграфы, посвящения. Рассмотрим использование данных прецедентных феноменов, отмеченных нами в творчестве поэтессы.

Немалое влияние на формирование Ольги Фокиной как мастера художественного слова оказали традиции великой русской литературы, и прежде всего поэзия А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова. В предисловии к избранным произведениям поэтессы С. В. Викулов пишет: «Наверное, О. Фокина рано или поздно расслышала бы себя, свой голос, если бы даже и не попала в Литературный институт. В России, слава богу, есть у кого учиться, от чьего факела перенять священный огонь Поэзии. О. Фокиной (да и одной ли ей!) первым озарил душу пушкинский факел, и не только озарил – зажёл в ней ответный огонь». Однако, по собственному признанию поэтессы, богом для неё стал Некрасов. «Нет, она не молилась на него, она у него училась, училась безраздельной любви к родному народу, умению просто и в то же время душевно разговаривать с ним, помогать ему осознать в себе силу «неисчислимую», веру в лучшее будущее».

О своём детском восприятии стихов Пушкина и Некрасова, ставших для неё большим потрясением, подтолкнувшим к собственному творчеству, об «отблесках неугасимого огня души Поэта» Ольга Фокина напишет сама: «Поэзия – стихия. Грозная и прекрасная. Неожиданная и закономерная. То, по-видимому, одному из всей природы – Человеку – присущее состояние великой и бескорыстной любви к распростёртому перед ним миру, когда хочется упасть перед ним на колени и вобрать его в себя без остатка или самому до конца раствориться в нём, мы называем вдохновением. Знакомое мне с детства, оно искало какого-нибудь выхода».

Александр Сергеевич Пушкин не раз становится «героем» произведений поэтессы. В стихотворении 1974 года «Мой Пушкин» рассказывается о том, как в жизнь деревенской девчонки в голодные военные годы вошла сама Поэзия в лице великого поэта: «*В доме, где ни горбушки / Хлеба на шесть едоков, / Не было у меня Пушкина, / Как не было башмаков*». Пушкин появился сначала в виде отдельных строчек на вырванном листке из «Грамматики», подобранном на весеннем поле, на котором голодная девчонка разыскивала мёрзлую картошку. На листке в упражнениях (явно по теме «Обращение») были помещены цитаты из пушкинской поэзии, помеченные только начальной буквой фамилии поэта:

*«Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон! Где б нам отобедать?»
Буква П. Точка.
«Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! Тятя!..»
Буква П. Точка.
«Старуха сидит под окошком,
На чём свет стоит мужа ругает.
«Дурачина ты, прямой простофиля!..»
Буква П. Точка.
«Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
Здравствуй, князь ты мой прекрасный!..»
Буква П. Точка.
«...Только рванусь, замороженная,
Вдаль, как тропю лесной,
«П», на ворота походя,
Встанет стеной крепостной».
Буква П. Точка.*

«Девочка не знала тогда, что это был Пушкин. О нём она услышит позже. Но Поэзия в этот миг опажула её своим крылом, лишила покоя: «Не поднимать бы лучше / Этих волшебных слов!» – писал С. Викулов. А потом у будущей поэтессы появится заветный томик, который будет храниться как самое дорогое для неё – под подушкой: «*А у меня под подушкой, / А вернее, под тем, / Что вместо подушки, – / Книга с названием «Пушкин», / Книга стихов и поэм / И сказок...*»

Стихотворение «Объяснительная записка Пушкинскому празднику поэзии» (1970) повествует о том, как поэтесса не смогла доехать на Пушкинский праздник в Михайловское из-за различных проблем с транспортом. Данное обстоятельство подвигло её на критические размышления о состоянии современной поэзии и о качестве собственного творчества: «*Не нужна я Пушкину / И нужна не буду. / Пушкин – явно столп, а мы / В одиночку мелки*». Используя обобщённое «мы», лирическая героиня стихотворения рассуждает о показном следовании традициям, заключающимся в праздновании юбилеев, в паломничестве к памятным местам: «*Дышим воздухом, каким / Гении дышали, / Пьём из пушкинской реки, / Слово причащаясь*»; о дерзости, самодовольстве творцов: «*Устыдиться не хотим, / Вскать конвейер пущен: / Кто в чести да во плоти, / Тот себе и Пушкин*».

Не удалась поездка: «*Худо, Пушкин! Я сдаюсь. / Все мечтанья блекнут*»; однако можно устроить Пушкинский праздник дома: «*То ли дело – благо-*

дать! – / Дома возле речки, / Сядем **Пушкина** читать / На родном крылечке». И оживут герои пушкинских сказок: «...Вот царевича в волнах / Закачала бочка. / Вот поймал старик рыбак / Рыбку золотую. / Вот Людмила, сняв колпак / С Карлы, с ним воюет. / Вот к царю пришла беда, / А к царице – больше! / Вот улыбчивый Балда / Чёрту море морщит»; и появится сам Пушкин: «Сам ступил под сень крылец, / Сам у нас в избушке – / И мечтатель, и мудрец. / И повеса **Пушкин!**» Примечательны оценочные слова, которыми характеризует поэтесса Пушкина.

Прецедентные тексты из пушкинских сказок О.Фокина нередко использует в своём творчестве. В стихотворении «Я повторяю мудрую ошибку...» (1962) лирическая героиня сопоставляется с персонажем «Сказки о рыбаке и рыбке»: «Я повторяю мудрую ошибку, / Как тот рыбак, нехитрый старикан: / Свою любовь, как золотую рыбку, / Без выкупа пускаю в океан». Она заявляет, что не хочет ни власти над рыбкой, ни царства, ни нового корыта, ни избы, а жизнь сравнивает со сварливой старухой, которая может послать на поклон к рыбке, однако героине отрадно, «Что на свободе рыбка золотая / И что она осталась золотой».

В драматической поэме «Останься со мною» (1977–1978) героини шуточно обыгрывают диалог рыбака и рыбки из этой сказки: Клава. «Была б ты, рыбка, золотая, / Я б знала, что с тебя просить!» Вера (шутливо). «Отпусти меня, дева, в речку, / Откуплюсь чем только пожелаешь!» Клава (вступая в игру, на коленях перед котелком. Молитвенно). «Смилуйся, государыня рыбка! / Не даёт мне справки председатель – / Со печатью маленькой бумажки!» Вера. «Не печалься, ступай себе с богом, / Так и быть, получишь документ!» Клава (выплёскивая содержимое котелка в реку). «Вот спасибо! Ступай себе в море, / Гуляй там опять на просторе!» Кроме того, цитата из пушкинской сказки становится последними словами умирающей героини: Клава (с расстановкой, но внятно). «Ничего не сказала рыбка, / Лишь хвостом по воде плеснула / И ушла в глубокое море...»

Аллюзии на то же произведение Пушкина ощущаются в образном строе фокинского стихотворения «Сказка» (1965): «Никого не води сюда, / Сам закидывай невода: / Будет невод с пустой водой, / Будет невод с густой травой, / Не печалься! На третий раз / Будет невод со мной как раз».

В поэме «Алёнушка» (1965) при описании снов героини цитируется сказка А. С. Пушкина о царе Салтане:

Вкусны-вкусны, вкусны-вкусны
Сейчас Алёнке снятся сны.
«Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах».
А-а-а, а-а-а,
На раздутых парусах.
Баю-бай, баю-бай,
На раздутых парусах.

В грёзах девочки в качестве сказочного героя возникает убитый на войне её отец (а познакомилась героиня с пушкинским текстом в найденном ею старом букваре – ср. автобиографические мотивы в стихотворении «Мой Пушкин»):

Худой букварь нашла вчера,
А нынче на заре
Четыре строчки ты прочла
В хозяйском букваре.
Четыре строчки по складам,
По буквке одной!
И вот уже кораблик сам
Бежит – не стороной!
Спешит к тебе, высок и прям,
Прямёхонько бежит,
Скользит по пенным волнам
И парусом шуршит.
Печатных пряников гора
На этом корабле,
Висит на мачтах виноград...
А кто ж там – на руле?
Усы смущённо теребя,
Взаправдашний, живой
Стоит и смотрит на тебя
Убитый батька твой.

В стихотворении «Как на двинскую не похожа амударьинская вода!» появляется неожиданное сравнение реки Амударьи с рыбой в неводе, с зайцем на мушке охотника и с рвущимся на свободу Пушкиным: «Так на свободу рвётся **Пушкин**, / Но несвобода – велика! <...> И упадёт под пулей **Пушкин...** / Но всё Амударье бежать».

В стихотворении «В память о походе на Сюрю-Кая» указанная в названии гора в Крыму вызывает в памяти поэтессы великие имена: «Этот пик ласкали взглядом **Пушкин** / И Ульянов-Ленин молодой». Их изображения чудятся ей в очертаньях каменных вершин: «Каменные профили великих / Возлежат спокойно возле нас». Здесь ощущается переключки с пушкинскими строками: «Поднимем бокалы, содвинем их разом!» из «Вахичес-

кой песни»: «Помолчав, содвинем дружно кружки / С ключевой горною водой!»

Большая цитата из пушкинского «Коня» без указания авторства приводится в стихотворении «Без занавесок», герой которого вспоминает, как искал потерявшегося колхозного коня:

*Был бы волком – сел бы да повыл он!
Человек же вспомнил школьный стих:
«Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводишь не шелковы?
Не серебряны подковы?
Не злащены стремена?»*

Томик Пушкина оказывается в руках одного из героев драматической поэмы «Останься со мною», и появляется цитата из пушкинской «Русалки»: «На берегу под ивой – Роман с томиком Пушкина в руках. Роман (цитируя). «Невольню к этим грустным берегам / Меня влечёт неведомая сила...»

К стихотворению «Ночные страхи» О.Фокина не случайно приводит эпиграф из «Зимнего утра» А.Пушкина: «Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...», поскольку с ним оно перекликается и тематически, и на уровне образов: «Встану, пойду: / Вон как светло! / ...Ветер-то дул / Снег-то мело» – данное четверостишие помещено в начале и в конце поэтического произведения, создавая кольцевую композицию.

В стихотворении «Празднуй волю, покой и свободу...» эпиграф: «На свете счастья нет, / А есть покой и воля...» из пушкинского «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» помогает передать пессимистические настроения лирической героини от того, что: «В старой деревенке – новые люди, / Не до меня им, и мне – не до них». Первая из данных строк цитируется в «Венке сонетов» (1998): «На свете счастья нет» – виват поэту! / Ни замысла, ни тайны, ни секрета...»

Упоминание имени Пушкина в стихотворении «Я люблю вас, ночи чёрные...», рассказывающем о работе поэтессы в качестве фельдшера в леспромхозе, позволяет создать ёмкий образ – лирическая героиня несёт лесорубам лекарства не только для тела, но и для души: «Я несла в лесные домики / И в бараки с лесорубами / В сумке – **пушкинские** томики, / За спиной – рюкзак с микстурами». В стихотворении «Длись, осень, длись...» томик Пушкина для самой лирической героини становится лекарством от хандры в слякотный осенний день: «Ветра порыв? / – Фортку закрой! / Не до хандры: / **Пушкин** – с тобой!»

В объекте описания стихотворения «Герой из фильма» угадывается артист Вячеслав Тихонов, ставший кумиром миллионов после выхода на экраны фильма «Семнадцать мгновений весны». Ему пишут письма влюблённые девчонки, уподобляясь пушкинской героине: «Зачем вы посетили нас / В лучах «Мгновений»? / Мы б никогда не знали вас / В глуши селений! / (Имеем полные права – / Наташи, Маши – / На **Тани Лариной** слова: / Они – как наши!)». Интертекстуальность, основанная на обыгрывании известных строк романа А.Пушкина «Евгений Онегин», здесь вполне уместна. Одна строчка из этого же романа понадобилась поэтессе в стихотворении «Живу в деревне «до упора...», чтобы как раз этот самый «упор» адекватно выразить: «И снова медлю до предела, / До остекленья зябких луж, / До появленья «мухи белой», / До яви **пушкинского** «уж»: / «Уж небо осенью дышало»... / Моё дохнуло уж зимой!»

Основным прецедентным текстом Николая Алексеевича Некрасова для Ольги Фокиной становится произведение «Несжатая полоса» как символ равнодушного отношения поэта к народным проблемам. Так, в стихотворении «Поэзия проблем не поднимает...» (1974) поэтесса упрекает собратьев по поэтическому цеху в том, что их творчество утратило актуальность, гражданственность, действенность, завершается стихотворение риторическим вопросом: «Иль больше нет ни **«полосы несжатой»**, / Ни светлых слёз, ни счастья, ни любви?»

В публицистическом произведении «Мы, из своих поднимаясь глубин...» поэтесса говорит о стойкости своего поколения, о духе коллективизма, взаимопомощи, о стремлении преодолеть любые препятствия; сравнивая людей с колосьями, она использует цитату из «Несжатой полосы»: «Заяц нас топчет, и буря нас бьёт!..» / Так! / Но один устоял – и поёт!»

В стихотворении «Спи-ко усни, государыня-барыня...» (в образе барыни олицетворяется образ России) говорится о разорении сельского хозяйства в стране, об утрате прежних идеалов, о раздорах и распрях в народе, здесь также упоминается некрасовская «несжатая полоса»: «Помнить ли стих про несжатую полосу / Посреди непосеянных сплошь?!» Далее речь идёт о том, что: «Отнято дело: не жнётся, не сеется!» Пессимистичный финал произведения созвучен настроению гражданской поэзии Некрасова: «...Только ничто нипочто ни на что тебе: / Видано, ведано! Спи-ко усни».

Е. Ш. Галимова отмечает: «В стихах Ольги Фокиной «окаянных лет» появляются открытая, активная публицистичность, интонации гнева, не-

годования, протеста. Её поэзия становится по-настоящему гражданской». Как признаётся сама поэтесса: «Я за гражданскую поэзию; я принимаю некрасовскую позицию: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Во мне чувство гражданственности даже, может быть, на первом месте, а на втором уж – всё остальное».

Большим подспорьем для поэтессы выступает наследие Н. А. Некрасова, с которым О. А. Фокина порой вступает в творческий диалог.

Одному из стихотворений поэтессы предпослан эпиграф из поэмы Н. Некрасова «Саша»: «Плакала Саша, как лес вырубали»: «*Плакала Таня, как Башня горела / (Башня в Останкине, Таня – в глуши. / Ей-то, казалось бы, что и за дело? / Да и слезами ли башни тушить?)*». Здесь говорится о сочувствии лирической героини всем бедам в стране, в том числе гибели подводной лодки «Курск». Заканчивается стихотворение так: «*Около – два подрастающих сына. / Радуйся, Таня!.. пока не рыдать*».

Эпиграф из поэмы «Крестьянские дети» отсылает к знаменитому фрагменту: «Однажды в студёную зимнюю пору...» На его основе О. Фокиной написано стихотворение о современных проблемах села, о неперспективных российских деревнях, о запущенных хозяйствах: «*Однажды в июльскую знойную пору / Я из лесу вышла... жёг овод – до слёз! / Гляжу – поднимается медленно в гору / Не лошадь, а – женщина, прущая воз*». Нет лошадок, старуха тащит на себе воз сена, чтобы прокормить корову, без которой она не представляет своё существование: «*Теперь вот и мы – на последнем издохе: / Невыгодны стали... Как хошь доживай! / Еда без коровы – вода да картохи. / Хочу молочка-то... / Налью – забегай*».

Как отметил В.Н.Бараков, в стихотворении Ольги Фокиной 1965 года «Пожилая вдова, вдова...» «видна прямая перекличка» с поэмой Н.А.Некрасова «Мороз, Красный нос»: «*Пожилая вдова, вдова / Рубит, рубит в лесу дрова. / Мужа нету ещё с войны, / Поразъехали все сыны, / И по вёснам вдовы топор / Одиноко стучит с тех пор*». Сравни у Некрасова: «Наплакавшись, колет и рубит / Дрова молодая вдова». Оба произведения заканчиваются смертью героинь.

Тот же В. Н. Бараков считает, что «Некрасовская традиция видна прежде всего в изображении жизни русской крестьянки, её тяжелой женской доли:

*Станут слёзы комом в горле...
Удержи их, убери:
Это горюшко – не горе,
Горе будет впереди».*

Некрасовские мотивы ощущаются и в стихотворении, которому в качестве эпиграфа предпосланы строки Наума Коржавина, переосмысливающие стихи классика, посвящённые русской женщине: «Ей жить бы хотелось иначе, / Носить драгоценный наряд...»: «*С гибелью ровень, / С ужасом рядом – / Не до любовей, / Не до нарядов. / И не до песен / За облаками: / Счастлива, если – / Твердь под ногами*» («С гибелью ровень...», 1980).

Реминисценцию из стихотворения Н. А. Некрасова «Сеятелям» можно обнаружить в произведении О. Фокиной о сути поэтического творчества, о вдохновенном труде поэта: «*И вот, – неухожен, рассеян, / Седея, морщинась, лысея, / Бредёт он путями Рассеи, / Невнятно строку бормоча, / Чтоб Доброе-Вечное сеять...*» («Во славе, но болел и стар ты...») – ср. у Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное, / Сейте! Спасибо вам скажет сердечное / Русский народ...»

В.М. Свинников разглядел некрасовское в маленькой поэме О. Фокиной «Сыпь, снежок...»: «В образе героини узнаёшь знакомые и дорогие нам, ещё открытые Некрасовым, черты русской женщины: азартную силу, которой всюду тесно – в работе ли, в пляске ли, – внутреннюю ясность и простоту, верность, гордую уверенность в себе». С. В. Викулов пишет: «Была дорога плотная / Года торёна-топтана», – так, по-некрасовски, по-народному начинает она свою «бывальщину» о дороге. Топтана не тувельками, конечно, а тяжёлыми крестьянскими сапожищами. Но вздумалось кому-то дорогу перепахать... Перепахали. И зёрнами засеяли... А всходов нет и нет: зёрна не принялись. «В пласт, словно в рот закусенный, / Ни корешка не пущено». Дорога «не полем стала – выгоном». Зрелище – более чем удручающее. И вполне понятен вздох разочарования тех, кто дороге «торил-утапывал»: «А говорили: выгодно!»

Ольга Фокина сама отмечает: «Стихи – это жизнь. Моя жизнь – это очень многое из стихов Некрасова и его последователей.

*Савраска увяз
в половине сугроба –
Две пары промёрзлых лаптей
Да угол рогожей
покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.
У меня:
...А гроб привязан
Верёвками,
И за верёвки,
Как за отца,*

Младшие братья
Держатся.
Витые верёвки
Батьковых рук...
Дрогнули дроги:
Стук-стук-стук!..

Параллелей – немало».

В стихотворении 1975 года «Ничего из себя мы не строим...» (в другой редакции: «Никого...») упоминаются классические поэтические произведения – Николая Некрасова «Тройка» и Александра Блока «На железной дороге»: «Ничего из себя мы не строим, / В нашем теле обычная кровь. / Мы пришли из **некрасовских** «Троек», / Из некошешных **блоковских** рвов». Речь идёт о судьбе русской женщины, о тяжёлой женской доле: Женской доли – одна полоса. Нужно терпеть побои пьяного мужика, на терпении и жалости держится вся её жизнь: «Пролетали с корнетами тройки, / Поезд с окнами мимо бежал, / А мужик после каждой попойки / Лишний хмель на тебе вымещал». Однако жалость и терпение, по мнению лирической героини, не должны заменить любовь и свободу. Это стихотворение написано как полемический ответ писателю Василию Ивановичу Белову, поэтесса говорит: «Женские образы в его книгах меня не совсем устраивали. Всегда они там униженные, забитые, бедные. Вот и откликнулась на это стихотворением».

Близка поэзия Ольги Фокиной творчеству Алексея Васильевича Кольцова, так, в стихотворении «– Ах, размахнись, – скажу, – рука!..» (1989) ощущаются мотивы кольцовского «Косаря», здесь приводятся прямые и косвенные цитаты из него: «– Ах, размахнись, – скажу, – рука! / Ах, раззудись, – скажу, – плечо! <...> Ах, ветер полудня, «в лицо / Пахни – и освежи-взволнуй!» Ср. у Кольцова: «Раззудись, плечо! / Размахнись, рука! / Ты пахни в лицо, / Ветер с полудня! / Освежи, взволнуй / Степь просторную!» «Раздражающую стилизацию» под А. Кольцова разглядел критик А. Хайлов в стихотворении О. Фокиной «Подвозчик зерна»:

Встало солнышко
Из-за дерева,
Речка вспыхнула
Озорно.
Я везу зерно –
Не на мельницу, –
Сеять на поле
Я везу зерно...

Преемником Кольцова принято называть поэта Ивана Саввича Никитина, неточная цитата из его стихотворения без указания авторства встретилась нам в ранней лирике Фокиной: «И любовь заметалась, слепая! / И глаза замечать не хотят, / Что «весна на земле наступает! / Журавли караваном летят» («Перестаньте так жёстко, так грубо...») – ср. у Никитина: «Полюбуйся: весна наступает, / Журавли караваном летят». В другом стихотворении строчки из никитинского «Здравствуй, гостя-зима!» дают в качестве эпиграфа – тоже без автора: «Наша русская кровь / На морозе горит...»: «Экая стужища – «голый мороз»! / Злей не бывает! / Видно, зима спохватилась всерьёз, / Грех искупает» («Экая стужища – «голый мороз»!..»).

Стихотворение поэта некрасовской школы Алексея Николаевича Плещеева «На берегу» обильно цитируется в произведении Ольги Фокиной «Домик над рекою» (1973), посвящённом матери:

«Домик над рекою,
В окнах – огонёк,
Светлой полосой
На воду он лёг.
В доме не дождутся
С ловли рыбака...»
В памяти толкутся
За строкой строка.
Школьницей учила –
Вспомнила теперь. <...>
«...Всех нетерпеливей
Ждёт его жена.
Вот за ужин сели...»
Сели – да не все.
Завтра сядут все ли
За пустой кисель?
Кабы сахарку бы,
Хоть бы с ноготок,
Хоть помазать губы
Тем, кто занемог!
«...Вдоль реки несётся
Лодочка. На ней
Песня раздаётся
Всё слышней, слышней...»
Кабы не война бы,
Кабы не она,
Тоже из окна бы
Лодочка видна.

Поэтесса рассказывает, что мама «с детства баюкала нас стихами Лермонтова и Пушкина, Сурикова и Плещеева – что помнила из школьной программы». В стихотворении «Моё окно – на уровне вершин...»

(1970–1999) упоминается «О «Колыбельной» матери моей / Из золотых **плещевских** стихиноков».

Дважды используется поэтессой классический прецедентный текст – фрагмент поэмы Николая Васильевича Гоголя «Мёртвые души» о Руси-тройке: «И «куда несёшься, Русь?» / Русь, скажи на милость! («Уезжать да приезжать...»); Русь мчится. / Бубенчик бренчит» («Чернобыль...»). Сам Гоголь лишь однажды упоминается в раннем стихотворении «Моя родина» (1955) вместе с героями его «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «От рифмы не отличаюсь, / Пульс случайно потрогали, – / Слаб? Откушайте чаю, / Как Иваны у **Гоголя**»; и ещё раз в качестве названия парохода: «Соседская корова – / Вот язва, вот урод! – / Трубит, такая прорва, / Как **«Гоголь»** – пароход!» («Беда, ей-богу, бабе...»).

Реминисценции из известного произведения Михаила Юрьевича Лермонтова «Тучи» можно обнаружить в остросоциальном стихотворении О. Фокиной «Распрямылись, возжаждали...»: «Вы же: **«нет у вас родины»**, / Вы же: «нет вам изгнания». / Собирайтесь да кучкайтесь, / Поднимайтесь хоть на небо / И **небесными тучками** / Уплывайте куда-нибудь» – это обращение к так называемой политической элите, противопоставляющей себя народу. Цитата из лермонтовского «Договора» без указания авторства приводится в стихотворении «Пришёл. Увидел. Победил...»: «Суровым взглядом не буровь, / Не норови словцом зачалить... / «Была без радости любовь – / Разлука будет без печали». – ср. в подлиннике: «Была без радости любовь, / Разлука будет без печали».

Николай Рубцов обратил внимание на то, что известное четверостишие О. Фокиной сродни стихотворению М. Ю. Лермонтова «Родина»:

*«Простые звуки родины моей:
Реки неугомонной бормотанье
Да гулкое лесное кукованье
Под шорох созревающих полей.*

По внешней и внутренней организации это четверостишие сильно напоминает лермонтовское «её степей холодное молчанье, её лесов безбрежных колыханье», всё равно напоминает, хотя оно гораздо интимней по интонации. Это было бы плохо, если бы стих был просто сконструирован по лермонтовскому образцу. Это хорошо потому, что стих не сконструирован, а искренне и трепетно передаёт такое подлинное состояние души, которое просто родственно лермонтовскому».

Говоря о духовных сокровищах россиян, в одном из публицистических стихотворений О. Фо-

кина перечисляет имена великих русских поэтов в качестве маркеров национальной культуры: «В его котомке – **Лермонтов и Пушкин**, / За пазухой – **Некрасов и Крылов**» («Практичные Америка, Европа обходятся без песен и стихов»).

Одно из ранних произведений О. Фокиной – «Песня о Ломоносове», посвящённая великому сыну земли русской Михаилу Васильевичу Ломоносову: «Тише... тише... / Плывёт по Двине пароход. / Слышишь, слышишь, / Студенчество песни поёт. / Не про косы, / Не про росы – / В песне, свободной, как чайки полёт, / Имя твоё, **Ломоносов**». Великого земляка поэтесса также упоминает вместе со сказочником Степаном Писаховым в качестве обобщённой характеристики северян: «В обутках бросовых, / В одежках аховых – / Из **Ломоносовых** / Да из **Писаховых**» («Хлопочут с визами...», 1989–1991).

Обращает на себя внимание использование в качестве прецедентного текста известного рассказа Ивана Сергеевича Тургенева «Муму» в любовной лирике для создания выразительного образа: «День восторженно ясен! / ...По такому нему / Я иду, как **Герасим**, / Утопивший Муму <...> Жизнь – не лучше помещиц / Из **тургеневских** лет» («День восторженно ясен!...», 1991). Е. В. Кузнецова отмечает по этому поводу: «Прецедентный текст вызывает в сознании представление о состоянии Герасима (безысходность, обречённость, злость на себя и на всех, кто заставил его утопить близкое ему существо, смешение чувств и т.д.). Прецедентное имя Герасим актуализирует состояние героини: как Герасим собственноручно погубил любимое существо, так и она пытается погубить своё чувство».

Тургеневские мотивы, в частности, рассказа «Хорь и Калиныч», в стихах О. Фокиной обнаружил А. Хайлов: «Поэтессе любо, что сегодняшняя деревня строится, что в избу пришли электричество и телевизор, но она не одобряет повышенного интереса к меркантильной стороне бытия. Соседи, жадно собирающие ещё неспелую бруснику – лишь бы побольше! – чужды её поэтическому миру. В него нет доступа Хорям, зато Калинычи проникают в него свободно и беспрепятственно. Сама Ольга Фокина сродни в этом отношении тургеневскому герою:

*«Я летом запасаюсь
Не ягодой какой,
А синью-небесами
Да серебром-рекой.
Без видимого дела,
Спустивши рукава,
Брожу я ночью белой
По белым островам...»*

Другие имена и тексты русской классической литературы в поэзии О. Фокиной встречаются единично: «Я, экономя керосин, / **Обрыв**» читаю **Гончарова**» («Под звёздами хозяйкин сын...»); «Пора вскричать: **Карету мне! Карету!**» («Венок сонетов»); «С лаской, прибаутками да шутками / Решены **«Что делать»** и **«Гроза»**...» («Улица Павлина Виноградова...»); «Кто-то верным **Пушкиным** – / К другу сквозь метели...» («Объяснительная записка Пушкинскому празднику поэзии»); «Фильм как называется? – / Кажется, **«Банкрот»**» («В Вологде снимается фильм про старину...»); «Цитаты из **Горького**, цитаты из **Чехова**, / О красоте человеческой, которые...» («Лекция»); «Будто с ним и вправду дед **Каширин / Алексея** грамоте учил» («Самовар»); «Позабывший-позабывший, / Позатерянный в лесах, / Называвший **Аэлитой**, / Почему ты – в небесах?» («Мелодия»). Здесь упоминаются И. А. Гончаров, И.А. Пущин, А.П. Чехов, А. М. Горький, а также произведения и герои А. С. Грибоедова, Н. Г. Чернышевского, А.Н.Островского, А. Н. Толстого.

В стихотворении О. Фокиной «Чернобыль...» даётся неточная цитата из эпиграфа к книге А.Н.Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», взятого им из «Телемахида» В. К. Тредиаковского: «Бессчётны чернявые черти: / Разборки. / Теракт. / Самосуд. / Чудовище «обло, обозло, / Огромно!» / Кричи – не кричи, / И в бричке оно, и на козлах!» – ср. в подлиннике: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя».

В ранних стихах поэтессы неоднократно упоминаются Владимир Владимирович Маяковский и Сергей Александрович Есенин, которые явно были её кумирами в юности.

Так, в стихотворении «В дороге» лирическая героиня сетует на то, что разговор соседней по вагону прервал её замечательный сон, в котором она совместно творит с любимыми поэтами: «И снились мне **Есенин с Маяковским** / Да я – втроём за письменным столом. / Небрежно, по-мальчишески откинув / Кудряво-белокурые вихры, / Читал **Есенин** что-то про рябину, / Весёлые глаза полузакрыв, / А **Маяковский**, стриженный под шарик, / Пером дырявил красное сукно». Причём разбудили героиню именно в тот момент, когда Маяковский вручает ей свой блокнот: «В предчувствии неслыханного счастья / Я замираю, руку протянув...» В первые секунды после пробуждения лирическую героиню охватывают досада и злость: «Любимый говор! / Напевно-круглый говор северян! / Впервые в жизни я была готова / Швырнуть тебя куда-нибудь к дверям, / Остановить поток неторопливый, / На полуслове гневно оборвать, / Чтоб до

конца увидеть сон счастливый / И дар поэта с гордостью принять». Однако вскоре она заслушалась родной северной речью: «Куда девалась вся моя досада! / Как песню-сказку матери родной, / Я снова долго-долго слушать рада / Людей, вспоённых Северной Двиной». Становятся очевидными, проявляются в полной мере духовные приоритеты поэтессы: главным источником её вдохновения была и остаётся живая народная речь.

В шутовском стихотворении 1955 года «Моя родина» поэтесса пишет о животворном воздействии её родного северного края на развитие поэтического дара, и здесь в качестве своеобразного мерил таланта приводится сравнение с Маяковским: «Вы, товарищ, хотите / Быть настоящим поэтом? / Тогда идите, плывите / К нам, в Корнилово, летом! <...> Нигде не найдёте лучшего / Напитка, чем наш «Родниковский» / Завода Глубокоземельного: / Таланта в нём – как в **Маяковском**: / Высокого, неподдельного!» И в стихотворении «По поводу выступления «Литературной газеты»» (1956), противопоставляя настоящую и слабую поэзию, обращаясь к плохому поэту, О.Фокина упоминает Маяковского как недостижимый идеал: «Кипятись, роняй ли слёзки, / Локти ль, пятки ли кусай, / Только дядя **Маяковский** / Запретил тебе писать». Отметим, что только в самой ранней лирике Фокиной идеалом для неё является Маяковский.

Строчка из поэмы С. А. Есенина «Анна Снегина»: «Село, значит, наше Радово...» используется в качестве эпиграфа к позднему стихотворению поэтессы, в содержании и ритмике которого угадываются реминисценции зачина есенинского эссе – «печальных вестей» возницы: «**Деревня у нас – не деревня, / Всего-то четыре домка / Осталось от бывшей, от древней... / Но всё ж мы деревня пока**» («Иван-день...»).

Одним из самых близких, по признанию самой О. Фокиной, поэтов Серебряного века для неё была и остаётся, как это ни парадоксально звучит, Марина Цветаева. И пусть ни тематически, ни идеологически, ни эстетически их стихи не пересекаются, близость двух поэтесс в неподдельной искренности поэтической речи. На это обращают внимание исследователи: «В энергичном, интонационно и ритмически богатом стихе Ольги Фокиной, в самом его синтаксическом строе порой улавливается что-то цветаевское. Дело не в литературном влиянии, есть, видимо, общность в натуре лирических героинь этих поэтов: резкость и нежность, гордость и способность к жертвенности – контрастность чувств и вместе с тем гармония цельности», – пишет О. Авдеева.

Е.Ш.Галимова отмечает, что ритмы стихов О.Фокиной 90-х годов «напоминают ритмы поэзии Марины Цветаевой 1920-х и сатирических стихов Владимира Маяковского, заставляют вспомнить цветаевское: «Я не верю стихам, которые льются. Рвутся – да»:

*...Добыли свободу:
На девок! На водку!
Нате – пейте!
Сплошь – глупейте,
Чтобы бушин
Рот – по уши!
А наш – лейкопластырем
Склеить – и баста:
Кому – о'кей!
А ты – лакей!*

В одном из интервью О. Фокина признаётся: «Я засыпала вчера с Цветаевой. Потрёпанный том, он у нас переходит из рук в руки: от меня – к дочери, от неё – ко мне. Я думаю, нет более искреннего поэта в нашей литературе двадцатого века. Даже в переписке с Пастернаком, когда они оба распахнуты друг другу навстречу, Пастернак уступает Цветаевой в искренности. И сможет ли кто-то в наши дни из поэтов до неё дотянуться?»

Что интересно, один из рецензентов был против поступления О. Фокиной в Литературный институт, обвиняя её в подражательности М.Цветаевой, об этом курьёзе поэтессы пишет в автобиографии: «Я этой поэтессы тогда не знала. Вдобавок, не привыкнув к почерку, я вместо Цветаевой прочла Увератовой да так и ответила Нине Александровне: «К сожалению, поэтессы Увератовой я совсем не читала», думая, что этот грех мне наверняка не простится».

Есть у О. А. Фокиной стихотворение, посвящённое подлинным кудесникам слова, черпающим вдохновение для своих произведений из родника народной речи: Борису Викторовичу Шергину, Степану Григорьевичу Писахову и Павлу Петровичу Бажову. Поэтесса явно воспринимает себя продолжательницей традиций этих замечательных писателей. Начинается это стихотворение с яркой метафоры, построенной на созвучии: «У старика / Уста – река! / Исток реки? / – А родники!»; и далее эта метафора раскрывается, развивается, наполняется дополнительными смыслами, главный из которых: *Что речка, речь!*; и заканчивается стихотворение торжественно, возвышенно, тому в помощь служат архаизмы: «Воды из речки / Пригуби, / Живым и вечным / Окропи / Усталый дух, / Потух-

ший взор: / Се – песнь! Се – Слух! / Се – разговор!» Можно сказать, что в данном произведении выражается творческое кредо самой поэтессы.

В стихотворении «Сыну» Ольга Фокина высказывает своё отношение к личности и творчеству выдающегося детского писателя Аркадия Петровича Гайдара, чьи произведения оказывали огромное воздействие на духовное созревание советских детей и подростков: «Потемневший от солнца-загара, / Упадая в сенной пуховик, / Ты – опять: – Почитай мне **Гайдара!** / Это – лучшая книга из книг!» Поэтесса создает окказиональный глагол *гайдаришь* в значении «увлекаться творчеством Гайдара, попасть под его влияние»: «Мой испытанный милый товарищ! / Пусть тебе ещё нет и шести, / Ты уже не на шутку **гайдаришь**, / А тебе ещё столько расти! / Прочитаю – **гайдаришь** на здоровье! – / Всё – от слова до слова – подряд... / Очень верил **Аркадий Петрович** / Даже в малых советских ребятах». Такое влияние лирическая героиня стихотворения считает положительным и плодотворным для нравственного развития её сына, она прочит ему в жизненные ориентиры персонажей произведений Гайдара: «Над могилою **Альки** понуро / Постояв, закаляйся в пути: / Дорастай, мой мальчиш, до **Тимура**, / Сам **Аркадий Гайдар** – впереди. / Не упал он от пули летящей, / Не замолк он в груди со свинцом! /...Пусть он будет тебе настоящим, / В **Синегорье** ушедшим, отцом».

Памяти писателя-северянина Александра Яковлевича Яшина О. А. Фокина посвящает два стихотворения, в которых создаёт удивительные образы, ёмко характеризующие уникальность и значимость его творчества: «*Не парижен и не книжен, / Русский, сельский, свой, живой <...> Он стихи творил из прозы, / Из любви, а не для поэмы / Землю к небу возносил. <...> И Яшин / Между ними – не вчерашен. / Был, и есть, и будет тут*» («Не парижен и не книжен...», 1978); важным текстовым элементом посвящений становятся знаковые для А.Я. Яшина наименования: «*На **Бобришный угор** – сугробами / Снег. Снопамы – весенний свет. / «...Угощаю рябиной – пробуйте! / Наша ягода. Слаще – нет»* («Сколь мелки жемчуга нанизаны...», 1983); «*У него **угор Бобришный**, / У меня **угор Рябишный** – / Поросли одной травой*» («Не парижен и не книжен...», 1978) – в последнем фрагменте подчёркивается преемственность творчества двух поэтов: Фокина воспринимает себя наследницей традиций Яшина. Стихотворение поэтессы «Уже не беру спичек с собой...» имеет эпиграф из Александра Яшина: «...Подпало весь бор, / Всю тайгу сожгу!...»

В одном из интервью О. Фокина заметила: «Я не знаю, хорошо это или плохо, что Яшин, узнав всю Россию, мерил жизнь, свой народ и язык своего народа мерками родного села Никольского. Другие в сходных условиях менялись, а писали тоже в полную силу таланта. Я твёрдо знаю одно: своё слово в литературе появляется лишь в полном согласии меж собой и строкой. В лирике Яшина это согласие прозрачно».

Трепетно Ольга Фокина относится к личности и творческому наследию ровесника и товарища по поэтическому цеху Николая Михайловича Рубцова, стихи, ему посвящённые, отличаются особыми – доверительными, дружескими – интонациями, они стилистически приближены к непосредственной, спонтанной разговорной речи: «Он хотел-умел лишь это: / Складно мыслить, быть поэтом! <...> Жил, пия-поя, как птица!» («Он хотел-умел лишь это...») – показательны дефисные глагольные сочетания, относящиеся к излюбленным выразительным средствам поэтессы (см. главу 4 данной монографии). Здесь упоминается персонаж рубцовского стихотворения «Добрый Филя» как обобщённое наименование людей определённого склада: «...Попадались чаще **фили**, / Что немного говорили, / Но ночлежник и про них / Сочинил душевный стих». В финале стихотворения создаётся ёмкий пронзительный образ, связанный с обстоятельствами трагической гибели Н.Рубцова: «...Он лежал по-птичьи кротко: / На полу. Ничком. Молчком. / Под двукрылым пиджачком...»

А в другом стихотворении передаётся разговор лирической героини с вологодским памятником Рубцову, к которому она обращается запросом, подругески: «И – обратно: не столь рысцово – / Мимо морга, больницы и проч. / Чтоб сказать, подойдя к **Рубцову**: – / **Коля**, с камня сойди-соскочь! / **Коля**, верь (потому – права я!), / Шевельнись и сходи туда – / Воскрешает иных живая / Турундаевская вода!» («Мимо памятника Рубцову...»).

Трагическая смерть поэта упоминается О. Фокиной в стихотворении, посвящённом обличению пьянства, которое часто приводит людей к гибели: «А собрат по перу – не в пьянке ль / Был невестой отправлен в рай?» («Констатирую, но и только...»).

Эпиграф из Н. Рубцова: «Не купить мне избу над оврагом / И цветы не выращивать мне...» поэтесса использует в двух стихотворениях, написанных в разные периоды творчества: «Всякая дикая птица...» (1978) и «...А мы купили ту избу...» (2000-е годы).

Три эпиграфа – рубцовские строчки – предпосланы элегическому стихотворению «А я нашла зелёные цветы!...»: «...Нарву цветов и подарю бу-

кет...», «...Не купить мне избу над оврагом...», «...Мне не найти зелёные цветы...». В нём поэтесса выражает свои сожаление и грусть по поводу трагической судьбы и житейской неприкаянности Н.М.Рубцова, здесь используется ключевой образ его поэзии – «зелёные цветы» как символ недостижимости некоего идеала: «...А я нашла **зелёные цветы!** / Я их нашла, хотя и не искала, / И на душе печально-грустно стало: / Мне – ни к чему, а в них нуждался ты <...> Как многие, ты смерть подторопил, / Не веря в исполнение желаний. <...> Тужил, божжил... но жил не без мечты, / Материальность не считал за благо. / ...В избе над – с родником по дну! – оврагом / Мои тебе – **ЗЕЛЁНЫЕ цветы!**».

Программным для поэтессы является стихотворение, в котором осмысливается строчка из известного произведения Николая Рубцова: «**Россия, Русь, храни себя, храни:** / Твои сыны хранить тебя не могут! / У них свои дела не слава Богу, / Свои заботы... так что – извини. / **Россия, Русь! Храни себя сама,** / И если впрямь – безвыходно и туго, / Назло врагам сплети себе кольчугу / И бейся за хоромы-терема. / **Храни себя, храни, Россия, Русь!**» («Россия, Русь, храни себя, храни...», 1995).

О родстве творчества Н. Рубцова и О. Фокиной пишет О. Авдеева: «В духовно-нравственном содержании поэзии Фокиной и Рубцова гораздо больше родственного, чем может показаться при поверхностном прочтении. Такую родственность мы найдём, например, в тех заветах, которые выражены в их самых сокровенных стихах. «**Россия, Русь! Храни себя, храни!**» – Николай Рубцов обращается к Родине, природе, миру, наконец, к своей душе. «**Храни родные родники! Храни огонь родного очага!**» Поэзия Ольги Фокиной постоянно подразумевает обращение к преемнику, к наследнику, к человеку, близкому ей по духовному строю».

Несколько произведений Ольга Фокина посвящает большому русскому писателю, уроженцу и певцу Русского Севера, Фёдору Александровичу Абрамову. В стихотворениях его памяти органично в качестве выразительного средства используется название родной деревни писателя – Верколы на реке Пинеге: «Занавешивай, **Веркола**, / Светлой Пинеги зеркало / Плотным платом тумановым, / За ночь сотканым заново <...> Твоему сыну, **Веркола**, / Приусталось, призаснулось» («Занавешивай, Веркола...», 1983); лирическая героиня обращается к писателю: «В **Верколе** ставят сенá. / Кос отбиваемых звоны / Как пропускает стена, / Сказывай, сыне законный / Нежно любимой земли, / Ею засыпанный щедро, / Всем, кто пока не легли / В те потаённые недра» («В Верколе ставят сена...», 1985); и он как будто

отвечает: «Ладно. Добро. Хорошо. / Ведаю. Чувствую. Слышу».

Ещё одно посвящение выразительно характеризует творчество Фёдора Абрамова: «Ваш родной, ваш лесной уголок. / Ваш земной, земляной бугорок. / Дом, соседи, родные, друзья... / На виду биография вся. / Нараспах – горевая душа... / И крылато страницы шуршат. / И струится родной говорок / Вдоль земных и небесных дорог» («Ваш родной, ваш лесной уголок...»).

Писателю-земляку Ольга Фокина посвящает поэму «Малина твоя» («Хозяйка») (1976), которая является очень созвучной его творчеству. В ней поднимаются острые социальные и нравственные проблемы, создаются яркие образы жителей северной деревни, так же, как и в произведениях самого Ф. А. Абрамова, который, признаётся поэтесса, «как брат мне родной, ведь речки нашего детства Содонга и Веркола берут начало в одном болоте, и живёт во мне желание пройти пешком от моей деревеньки до его Верколы». И Фёдор Абрамов на встрече с читателями сказал: «Я очень люблю Ольгу Фокину. И когда я встречаюсь с ней, <...> для меня одна из радостей – это видеть Ольгу Фокину, посидеть с ней рядом». Поэтесса вспоминает: «Фёдор Александрович говорил мне: «О вечном пиши!» А я только так и умею писать...» – рассказал С.В. Попов.

Примечательно, что литературовед Валерий Дементьев обратил внимание на сходство лирической героини поэтессы с любимой героиней писателя: «Если искать художественные аналогии, то близость лирической героини Ольги Фокиной скорее всего можно увидеть с Лизой Пряслиной, сестрой «большака» Мишки Пряслина из романа Фёдора Абрамова «Две зимы и три лета». Они – ровесницы, у них за плечами военное детство, обе выросли в Придвинье, и в характере обеих есть уступчивость и дерзость, гордость и робость, прямота и застенчивость, которая воспитана всем северодвинским бытовым укладом».

Замечательному писателю и кинематографисту Василию Макаровичу Шукшину О. Фокина посвящает стихотворение, в котором говорит о его смерти как о величайшей потере для России: «Сибирь – в осеннем золоте, / В Москве – шум шин... / В Москве, в Сибири, в Вологде / Дрожит и рвётся в проводе: / «Шукшин... Шукшин» <...> Ему – ничто, припавшему / К теплу земли. / Но что же мы, но как же мы / Не сберегли». Здесь даётся отсылка к последнему фильму Шукшина «Калина красная», смерть писателя уподобляется убийцам его киногероя: «Достала тайным ножиком, / Как те – в кино, / Где жил и умер тоже он

/ Не так давно...» В.Г. Бондаренко заметил: «Провожая в последний путь Василия Шукшина, она и в посмертных стихах о нём писала о том, во что верила сама, об ответственности за всех, о деяниях, за которые воздаётся, о поклаже непосильной русского мужика.

Не думали, не видели,
На что идёт
Взваливший наши тяжести
На свой хребёт...
Поклажистый?
Поклажистей –
Другого –
Нет.

Впрочем, и сама Ольга Александровна Фокина, родившаяся в сентябре 1937 года, ладная, стройная, улыбочивая женщина из таких же покладистых и непокладистых. На таких женщинах издавна вся Русь стоит».

Прецедентные имена русской литературы в публицистических стихах О. Фокиной используются как определённые политические символы: «Не мать-земля, но лишь гумус / Нужен-потребен, как травке, – / Не **протопоп-Аввакуму** / И не **Корчагину Павке**» («Образ минувшего – нужен!...») – в данном случае протопоп Аввакум и герой романа Николая Островского «Как закалялась сталь» выступают символами непреклонности, верности принципам.

Единично упоминаются в творчестве О. Фокиной имена широко известных поэтов Булата Шалвовича Окуджавы и Николая Ивановича Тряпкина: «**Давно соседи справа / Булата Окуджаву / Транслируют с балкона, / Хвалясь магнитофоном**» («Майское»); «**Увы! На жизнь гораздо больше шансов / Имеет здесь «с картинкой» анекдот, / Им всё равно, Щеглов ты или Тряпкин, / И кто из вас живой, а кто погиб**» («Слова мои прямы. Просить прощенья...»).

Ольга Фокина внимательна к творчеству своих коллег, современных северных поэтов. Так, героем «Песенки об одной командировке» становится вологодский писатель и поэт Владимир Иванович Аринин: «**Щекой на распахнутом Грине / Вздремнул комсомольской газеты спецкор / Романтик Володя Аринин. <...> Есть Вовка-строитель! Аринин – поэт!** / ...А нету, простите, спецкора». Сам он откликнулся газетной рецензией на сборник поэтессы «Маков день», в которой, в частности, писал: «В стихах О. Фокиной есть самое главное – большая настоящая любовь к родной природе, родной деревне, к матери, братьям и детям, любовь к России. И, наконец, как и прежде, в

юности, она умеет радоваться многокрасочности и яркости жизни, умеет видеть в обычном – необычное, скрытое, настоящее».

Здесь же в качестве кумира героя стихотворения упоминается писатель-романтик Александр Степанович Грин и его знаменитая феерия «Алые паруса»: «По новому морю – гляди веселей! – / Как будто из сказки старинной, / Плывут корабли с парусами алей. / Чем парус любимого **Грина**». Название этой книги встречается и в другом стихотворении поэтессы: «На счастье – наплывает / Как в **«Алых парусах»** – / Мне кто-то закрывает / Ладонями глаза» («Проснувшись до восхода...»).

Высоко оценила О. Фокина творчество глубокого и самобытного мурманского поэта Николая Владимировича Колычева: «Стыло, темно и скользко: / Север. России край. / На полуострове Кольском – / **Колычев Николай** – / Зрячий. Живой. Горячий. / Пишет стихи. Поэт. / И под крыло не прячет / Голову в смуте лет. <...> Милые человеки! / Знайте: внутри страниц / **Колычевых** – кумеки / Божьих тревожных птиц!» («Стыло, темно и скользко...»).

Стихотворение О. Фокиной «Ещё начало октября...» посвящено памяти безвременно ушедшего вологодского поэта Николая Васильевича Фокина, здесь слышны покаянные нотки, поэтесса винит себя и коллег в недостаточном внимании к собрату по перу при его жизни: «Мы опоздали к твоему, / **Поэт, немноголетю.** / Пока ты жил и **ворожил** / Над песенными строчками, / Никто из нас не поспешил, / Чтобы помочь с отсрочкою / Того – назначенного ли? – / Лихого часа смертного...»

В стихотворении «Литературный институт...», выступая защитницей своей альма-матер, О. Фокина в качестве аргумента в споре упоминает знаменитых земляков: «Предвижу голос городка, / В котором проживаю: / – Хвалить – хвали, но лишь слегка, / Не доходи до краю! / Пусть институтом институт, / И мы – не место голо: / Литературная и тут / Своя, однако, школа. / Но у меня ответ готов, / Замалчивать негоже: / Литинститутовец – **Белов!** / Литинститутовец – **Рубцов!** / **Серёжа Чухин** – тоже!» – здесь названы известные вологодские писатели: Василий Иванович Белов, Николай Михайлович Рубцов, Сергей Валентинович Чухин. Последний в своё время в газетной статье отметил: «Мне поэзия Ольги Фокиной представляется светлым, обихожённым деревенским домом».

Говоря о прецедентных именах и текстах, используемых в поэтическом творчестве Ольги Фокиной, нельзя обойти вниманием эпиграфы, которые предпосылает к своим стихам поэтесса.

Трижды в этом качестве употреблены строчки поэта Василия Дмитриевича Фёдорова:

«...Пусть засну я, и пусть мне приснится / Ускакавшее счастье моё» – поэтесса обыгрывает метафору первоисточника: «**Счастье моё ускакавшее, здравствуй!** / Дай обмою твои копыта, / Голову дай обниму гривастую, / Поцелую глаза незабытые» («Счастье моё ускакавшее, здравствуй!...», 1965);

«Закрывай, Василий, душу, / Не выстуживай себя» – в остросоциальном стихотворении происходит переосмысление исходной поэтической фразы: «**Закрывай, Россия, душу, / Не выстуживай себя**» («Я живу без интереса...», 1988);

«Поэтов надо издали любить...» – такой эпиграф появился у стихотворения «Не приближай к себе звезду...» (1977) в сборнике «Маятник» (2013): «**Не приближай к себе звезду! / Не порывайся убедиться, / Что звёздам надо высоту, / Без высоты им – не светиться**».

В стихотворении «Поняв, что оба – не горим...» (1985) используются строки из поэмы В. Д. Фёдорова «Седьмое небо».

Ср. у Фёдорова:

*Страшно покинутых страданье,
Когда оно плодит собой
То жалких,
Ждущих подаянья,
То злых,
Готовых на разбой.*

И у Фокиной:

*С непокослённой головой,
Презрев поэта предсказанье, –
Ни «злой, готовой на разбой»,
Ни «жалкой, ждущей подаянья».*

В стихотворении «Все кусты засохли...» приводится неточная цитата из В. Фёдорова: Но: «**В огне – Поволжье!**», / «**В Нижнем – сёл сгоранье!**» / Утешают «**бóльших / Зол напоминаем**». Точная цитата даётся в сноске: «Мы – люди, нас легко утешить / Напоминаем бóльших зол...».

В интервью поэтесса признавалась: «Я люблю Василия Фёдорова, по поэтическому складу совсем не деревенского, за свой, как вы сказали, голос. За искренность в поэзии и дружбе, за открытую доброту. За то, что пишет, как живёт, – распахнуто, хоть в книжку свою, хоть в свой дом – любого пустит». Сам Василий Дмитриевич оставил теплые строки по поводу выхода первой книги поэтессы «Сыр-бор»: «Ольга Фокина вырастила свой «Сыр-бор» с тропинками, речками, человеческими

судьбами – и повеяло от него поэзией северного сказа, суровой жизнью, жаждой добра и счастья».

К стихотворению О. Фокиной «Вода – не забота...» в качестве эпиграфа приведена строчка Александра Трифоновича Твардовского: «Лишь вода была б – вода...». К этому поэту у неё особое отношение, в интервью она признаётся: «Моим кумиром был Твардовский, естественно. Одно время я даже думала: не буду вступать в Союз писателей, пока меня не рекомендует Александр Трифонович. <...> Когда мне присудили премию Твардовского, я была очень счастлива». Не случайно исследователи отмечают: «В её стихах, где на первом плане стихия бытовой народной речи, можно уловить интонации Твардовского», об этом говорит И.К. Рогощенков.

Многое связывает творчество Ольги Фокиной с поэзией Михаила Васильевича Исаковского, в частности, с его известным стихотворением «Русской женщине» – у поэтессы немало стихов о трудной женской судьбе. С. Викулов пишет: «М.Исаковский, с отеческой озабоченностью следивший за деревенской поэзией, которой сам, по сути, отдал всю жизнь, не проглядел и молодую совсем тогда О. Фокину. Будучи уже тяжело больным, нашёл время прочитать её сборник стихов, написал автору: «...Я чувствую какое-то своеобразное родство по отношению к Вашей поэзии». О. Фокина бережно хранит этот листочек как дорогую реликвию. Да оно и понятно: быть в родстве с таким поэтом, как М.Исаковский, большая честь!»

По признанию О. Фокиной, немалую роль в её поэтической судьбе сыграл Виктор Фёдорович Боков, чьё творчество очень созвучно её поэзии. В автобиографии она пишет: «Поэт Виктор Боков, рецензировавший в Литинституте мои стихи, вместе с добрым письмом прислал номер журнала «Москва», где над подборкой стихов была надпись: «Ольге Фокиной с любовью к её стихам». Строки В.Ф.Бокова: «Лес стоит – никому не нужен. / Храм стоит – никому не нужен. / Я стою – никому не нужен... / Что ж нам делать? / – Стоять на своём!» являются эпиграфом к новому стихотворению поэтессы: «*Ни копыт и ни хвостов: / Деревенька спит убога. / Пропадает сена стог, / И когна – обширней стога. <...> И стоят они, бедняжки, / Тишиной окружены, / Непроезжими снегами, / Но и всё-таки нужны! / Для чего? – не знают сами...*» («Ни копыт и ни хвостов...»)

Фрагмент известного произведения Евгения Михайловича Винокурова: «В полях за Вислой сонной / Лежат в земле сырой...» использован в качестве эпиграфа к стихотворению «Не фраза и не сказка...», герой которого – «*Единственный из*

класса, Оставшийся в живых» после Великой Отечественной войны.

Эпиграфом к стихотворению «На Ульяновом болоте...» служит строчка вологодского поэта Александра Александровича Романова: «Не ходи, Олёксан, на болото...» (правда, этот эпиграф приводится только в журнальной публикации, в сборниках его нет): «*На Ульяновом болоте / Пень упал – и в труху... / На Ульяновом болоте – / Мох да клюква по мху*». А. А. Романов так отзывался о Фокиной: «Слово «поэтесса», пышное, литературно-артистическое, какое-то дамское, узковато для творческого облика Ольги Фокиной. Она – работница в жизни и в стихе. Она – поэт. Достоверность её стихов неоспорима, ибо на дне каждой строки лежит боль или радость пережитого. Поэтому читать её стихи – значит видеть её биографию».

Отдаёт дань уважения О. Фокина и женской поэзии. Так, в откровенной любовной лирике появляются эпиграфы из стихов:

Вероники Михайловны Тушновой: «Не отрекаются любя...»: «*Не отрекаются любя... – / Не отрекаюсь! / Ни от себя, ни от тебя: / Пока река есть...*» («Не отрекаются любя...»);

Новеллы Николаевны Матвеевой: «А что я от этого буду иметь, того тебе не понять»: «*Ищу твои следы, / Ответик на вопросик: / Летаешь ли и ты, / Меня – лететь – подбросив?*» («Спасибо – не сюрприз...», 1987); известна фотография молодой О. Фокиной со сборником стихов Н. Матвеевой «Кораблик» в руках;

Маргариты Константиновны Агашиной: «Я плакать – не плачу: / Мне он не велит...»: «*Выкричусь, выплачусь, – выкручусь. Снова / Вот она я – весела и здорова! / Солнышку рада, и дождики – в милость. / Что из того, что слезами умылась?*» («Жмусь к остывающей (май!) батарее...», 1982).

Без указания авторства О. Фокина использует в качестве эпиграфа неточную цитату из стихотворения Сергея Митрофановича Городецкого «По бруснику», подписанную «Из детского стихотворения»: «Съел мороз у нас чернику, – / Мы брусники наберём!», ср. в подлиннике: «Съел мороз у нас чернику, / Так брусники наберём»: «*Нет черники – и не надо: / Урожай – не каждый год! / В магазине есть бананы, – / Обананился народ*».

Кроме указанных выше, есть в творчестве О.А.Фокиной ещё несколько посвящений писателям и поэтам:

Сергею Васильевичу Викулову: «*Дорога не запоминается, / Пока идёшь за кем-то вслед, / Но всё отчаянно меняется, / Коль провожатых рядом нет*» («Дорога не запоминается...»);

Ивану Дмитриевичу Полуанову: «*Повисла карта на стене, / Глаза-озёра выпучив, / Все реки тя-*

нутя ко мне, / Меня желая выручить...» («Страшная месть»);

Огультач Оразбердыевой – туркменской поэтессе, однокурснице О. А. Фокиной: «Ты в гости к себе пригласила меня. / Мы вместе учились, и, значит, родня!» («Ты в гости к себе пригласила меня...»);

Олегу Алексеевичу Поскрёбышеву – народному поэту Удмуртии: «Волга – волога – влага... / Поселила едва / Снеговая бумага / Голубые слова, / Как рванулись навстречу, / Чуя кровную связь, / Наша Вологда-речка, / «Волгас» – пожня у нас» («Волга – волога – влага...»).

В качестве прецедентных текстов в поэзии Ольги Фокиной неоднократно используются популярные песни, авторы которых поэтессой не названы.

Дважды встречаются фрагменты произведений известного поэта-песенника Алексея Ивановича Фатьянова: в стихотворении «Назвали песню «очень старой»...» приводится несколько цитат из песни «Когда весна придёт» – два куплета и ещё две строчки: «Теперь и сам не рад, что встретил» – / Горюет голос молодой... / Живи, бессмертная, на свете! – / «Моя душа полна тобой»; а песня «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» подверглась творческой переработке в стихотворении «Старая песня на новый лад»: «Майскими короткими ночами, / Не смолкая, свищут соловьи. / Где же вы теперь, друзья-односельчане, / Дорогие сверстники мои?»

В стихотворении «Кругом – некошение травы...» цитируется «Авиамарш» Павла Германа: «Журчит, на всю округу слышен, / Косилки «пламенный мотор!» – ср.: «Нам разум дал стальные руки-крылья, / А вместо сердца – пламенный мотор».

Песни Гражданской войны упоминаются в следующем поэтическом контексте: «По долинам и по взгорьям», / «Шёл отряд по берегу»... / Что пройдут беда и горе. / Пели мы – и верили» («Сбоку дуло, сверху лило...»).

В стихотворениях цитируются строчки из песен: «Тропинка» (автор слов – Антон Пришелец): «Кого ждала, кого любила», / Но кто живьём захоронил... / Не подошла и не открыла, / А ты звонил, звонил, звонил...» («Кого ждала, кого любила...»);

«Песенка первоклассника» (автор слов – Игорь Шаферан): «Уже буханка хлеба – / Три тысячи рублей. / И «то ли ещё будет», / Как в песенке поют!» («Уже под нашим небом...»)

Эпиграф из песни «У природы нет плохой погоды...» (автор слов – Эльдар Рязанов) предпослан стихотворению «Наконец-то плохая погода!...»: «Наконец-то плохая погода! / Намечается шанс отдохнуть / И от леса, и от огорода, / И от поля, где травы по груди».

А у стихотворения «Кого нам рожать – сыновей или дочек?» два эпиграфа из песен: «Не ходи к нему на встречу, не ходи, – / У него гранитный камушек в груди...» (песня поп-группы «Божья коровка»); «Буду любить тебя всегда – / Я не могу иначе...» (автор слов – Николай Добронравов): «Что – женская песня про «сердце – не камень», / Коль песня мужская – про «сердце-гранит!»

Персонаж известной всем с детства песни «В лесу родилась ёлочка» – лошадка мохноногая появляется в стихотворении «Брату»: «Ёлки, снег, гора пологая, / Месяц крашеной дугой, / И лошадка мохноногая, / Что везёт меня домой...»

Романс М. Пуаре «Я ехала домой...» вспоминается лирической героине в определённых обстоятельствах: «Я ехала домой...» / Романсовый мотив / Нечаянно воскрес / Из ласковых времён / Насмешкой надо мной, / Застрявшею в пути» («Я ехала домой...»).

Другой романс – «Ямщик, не гони лошадей» Н. Риттера становится лейтмотивом стихотворения «Играл архангел на трубе...» (1985): «Ямщик, коней не торопи, / Ты в этом властен <...> Не торопи, ямщик, коней, / Яви к ним жалость! <...> Останови коней, ямщик: / Сойду – погреться».

Итак, в качестве яркого выразительного средства в поэзии Ольги Фокиной используются прецедентные имена и тексты русской литературы. Наиболее значительное влияние на становление поэтессы оказало творчество А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова, чьи имена и произведения чаще всего упоминаются в её стихотворениях. Героем ранней лирики поэтессы становится В. В. Маяковский. Важными и знаковыми для О. А. Фокиной являются творческие переключки с такими поэтами и писателями, как А. Я. Яшин, Ф. А. Абрамов, Н. М. Рубцов. Несколько десятков прецедентных имён и текстов русской литературы можно обнаружить на страницах поэтических сборников О. А. Фокиной, размышления над их употреблением помогают лучше понять особенности творческого мира поэтессы.

Список литературы

- Абрамов Ф. А. Чем живём-кормимся. Л., 1986. 528 с.
- Авдеева О. Заветы: природа и характер в поэзии О. Фокиной, Н. Рубцова, А. Романова // Нечерноземье – забота общая: Проблемы литературы и культуры. М., 1983. С. 336 – 353.
- Аринин В. И. Маков день // Красный Север. 1975. 12 окт.
- Бараков В. Н. «Скромный, но истинный талант...» (Поэзия Ольги Фокиной) // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2003.
- Бондаренко В. Г. Алая любовь Ольги Фокиной // Бондаренко В. Г. Дети 1937 года: Литературные портреты русских писателей, родившихся в 1937-38 гг. М., 2001. С. 189 – 211.
- Викулов С. В. «...Чтоб вышел с людьми разговор» // Фокина О. А. Избранное: стихотворения и поэмы. М., 1985. С. 3 – 18.
- Викулов С. В. «Проступают граниты». Стихи «окающих лет» Ольги Фокиной // Наш современник. 2004. № 3. С. 208 – 221.
- Галимов Ш. З. Постигание времени // Север. 1979. № 10. С. 121 – 128.
- Галимова Е. Ш. «Верность раздолжности русских полей...» (Лирика Ольги Фокиной) // Галимова Е. Ш. Поэзия Архангельского Севера XX-XXI веков. Архангельск, 2014. С. 39 – 58.
- Дементьев В. В. От имени серпа: О. Фокина // Дементьев В. В. Исповедь земли: Слово о российской поэзии. М., 1980. С. 441 – 461.
- Кузнецова Е. В. Концепт ЛЮБОВЬ и его объективация в творчестве О. Фокиной // Языковая картина мира поморов. Архангельск, 2010. С. 262 – 277.
- Попов С. В. Встречи. Ростов-на-Дону, 2011. 76 с.
- Рогощенков И. К. Донные ключи: О лирике Ольги Фокиной // Наш современник. 1984. № 3. С. 180 – 184.
- Рубцов Н. М. Подснежники Ольги Фокиной // Фокина О. А. Буду стеблем: стихотворения и поэмы. М., 1979. С. 3 – 4.
- Свинников В. М. Негромкое доброе слово // Наш современник. 1970. № 6. С. 125 – 126.
- Фёдоров В. Д. Ольга Фокина // Фёдоров В. Д. Собрание сочинений. Т. 4. Наше время такое: О поэзии и поэтах. М., 1988. С. 410 – 413.
- Фокина О. А. Стихи – это жизнь // Литературная Россия. 1978. 17 марта. С. 10.
- Фокина О. А. «Огонь родного очага». Беседа с Ольгой Фокиной об истоках её поэзии / Записала З. Горчакова // Советская Россия. 1979. 24 апр.
- Фокина О. А. Моя родословная // Лауреаты России: Автобиографии российских писателей. Кн. 4. М., 1985. С. 226 – 248.
- Фокина О. А. «И каждый читатель как тайна» / записала Н. Серова // Книжное обозрение. 1986. 27 июня. С. 15.
- Фокина О. А. «Нас шарахает с борта на борт...» / Беседа вела Л. Кирилук // Рабоче-крестьянский корреспондент. 1991. № 3. С. 3 – 7.
- Фокина О. А. «Испрошу взамен бланк о невыезде» // Правда Севера. 2002. 29 авг. С. 5
- Фокина О. А. «Песни пишутся на стихи о любви» // Архангельск. 2013. 10 янв. С. 22.
- Фокина О. А. «Поэзию списывать рано» // Сфера. 2015. Весна.
- Хайлов А. Нерасторжимость // Север. 1979. № 3. С. 124 – 126.
- Чухин С. В. Тепло на тепло // Вологодский комсомолец. 1974. 17 мая.
- Шергин Б. В. Напутствие // Фокина О. А. Сыр-бор: лирика. М., 1963. С. 3 – 6.

□

Андрей Васильевич ПЕТРОВ

родился в 1964 году в г. Северодвинске Архангельской области.

Окончил Архангельский педагогический институт.

*Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и речевой культуры
Северного (Арктического) федерального университета
имени М.В. Ломоносова (Архангельск).*

Автор более 200 научных и учебно-методических работ, среди них книги:

- «Современный русский язык. Безлично-модальные предложения»,
«Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка»,
«Система безличных предложений в современном русском языке»,
«Простые звуки родины моей...» Язык поэзии Ольги Фокиной».*
- Публиковался в журналах: «Русская речь», «Русский язык в школе»,
«Филологические науки».*

В журнале «Север» публикуется впервые.

